

УДК 347.77

DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048

Сравнительный анализ патентования селекционных достижений в постсоветских государствах: подходы к гармонизации

Воронцов Егор Артёмович

Аспирант,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: gladius.ej@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические основы формирования международной (региональной) системы патентования селекционных достижений на постсоветском пространстве. На основе сравнительно-правового анализа законодательства постсоветских государств выявлены общность нормативного наследия, а также существенные расхождения в объектном составе охраны, институциональной организации экспертизы и сроках действия правовой охраны. Показано, что действующие региональные механизмы носят преимущественно декларативный характер и не создают единого охранного документа. Отдельно проанализированы соглашения ЕАЭС 2017 г. об обращении семян и 2019 г. об унификации селекционно-племенной работы, унифицирующие испытания и реестры допуска, но не правовую охрану селекционных достижений. С учётом опыта Европейского союза и Евразийской патентной организации и региональной системы товарных знаков ЕАЭС обосновывается особая модель интеграции, направленная на создание единого евразийского патента, охватывающего как сорта растений, так и породы животных.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронцов Е.А. Сравнительный анализ патентования селекционных достижений в постсоветских государствах: подходы к гармонизации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 456-464. DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048

Ключевые слова

Селекционные достижения, правовая охрана сортов растений, Конвенция УПОВ, евразийская интеграция, гармонизация законодательства, *sui generis*.

Введение

Современный этап развития аграрного сектора государств постсоветского пространства характеризуется возрастающей ролью селекционных достижений (новых сортов растений и пород животных) как ключевого фактора обеспечения продовольственной безопасности, поскольку экономическая эффективность сельскохозяйственного производства во многом предопределяется результативностью селекционной деятельности [Горелько, 2012, с. 17]. Вместе с тем правовая охрана селекционных достижений в регионе остается фрагментированной: каждое государство сформировало собственную национальную систему, а интеграционные механизмы СНГ и ЕАЭС не привели к созданию единого охранного документа. Селекционер вынужден подавать самостоятельные заявки в каждое ведомство, повторно проходить экспертизу и испытания и поддерживать несколько параллельных патентов, что увеличивает издержки и сдерживает трансграничный оборот семян и племенного материала.

Настоящая статья посвящена теоретическому обоснованию возможности создания международной (региональной) системы патентования селекционных достижений на постсоветском пространстве, анализу законодательных подходов государств региона и оценке перспектив их интеграции. Как верно отмечает И.В. Шугурова, «гармонизация законодательства в области интеллектуальной собственности необходима для дальнейшей региональной экономической интеграции» [Шугурова, 2014, с. 131], что в свою очередь также предопределяет важность рассматриваемой темы.

Методологической предпосылкой исследования выступает тезис о юридической уникальности селекционного достижения: институт его охраны не является традиционным, его содержание и принципы однозначно не относятся ни к патентному, ни к авторскому праву, и большинство государств, включая членов ЕС, создали системы специальной охраны новых сортов, исключив их из сферы традиционной патентной охраны [Можаев, 2013, с. 169].

Основная часть

Специальная охрана, предоставляемая этому объекту в законодательствах целого ряда государств, подтверждает невозможность его «растворения» в смежных институтах [Можаев, 2013, с. 172]. Э.П. Гаврилов и В.Н. Синельникова подчеркивают, что российская система охраны селекционных достижений лишь внешне повторяет патентное право, частью которого не является [Гаврилов, Синельникова, 2015, с. 52]. Специфика объекта состоит в том, что охрана предоставляется зафиксированным в описании признакам растений или животных (нематериальный элемент), воспроизведенным в отдельных особях (материальный элемент), причем нематериальный элемент неразрывно связан с материальным [Ветрова, 2012, с. 231]: вне материальных носителей селекционные достижения не существуют, тогда как произведения и изобретения мыслимы и вне связи с ними [Синельникова, 2016, с. 14]. Эта двойственная природа выступает одновременно и главным препятствием, и главным аргументом в пользу региональной интеграции охранных систем.

Эволюция правового регулирования данного объекта подтверждает данный тезис. Парижская конвенция 1883 г. придала термину «промышленная собственность» широкое содержание, охватывающее в том числе и сельскохозяйственное производство [Горелько, 2012, с. 17], однако и с принятием в 1967 г. ее Стокгольмской редакции сорта растений не нашли отражения в перечне объектов промышленной собственности [Ветрова, 2012, с. 229].

Принятая в 1961 г. Конвенция УПОВ (в редакциях 1972, 1978 и 1991 гг.), выступая базовым соглашением в рассматриваемой сфере, предписывает минимальный объем прав селекционеров и единые критерии охраны – новизну, отличимость, однородность, стабильность. Международный опыт демонстрирует, что Конвенция стала компромиссом между стремлением селекционных компаний к патентной монополии и биологической спецификой сортов, потребовавшей системы *sui generis*.

Пункт 3 (b) статьи 27 Соглашения ТРИПС обязал членов ВТО охранять сорта патентами, эффективной системой *sui generis* либо их сочетанием, причем эффективной признается именно система, базирующаяся на Конвенции УПОВ. Данное обстоятельство привело к существованию принципиально разных подходов к правовой охране достижений в области селекции: например, в США существуют сразу несколько форм правовой охраны, которые в своей сущности гарантируют право на вновь созданный результат разными способами. В то же время можно говорить о том, что мировой опыт демонстрирует два пути региональной интеграции: гармонизацию законодательств на основе УПОВ и создание единой наднациональной системы: например, на территории Европейского союза Регламентом Совета ЕС № 2100/94 учреждено Ведомство Сообщества по сортам растений (CPVO) [Еременко, 2014, с. 1].

Первой предпосылкой интеграции на постсоветском пространстве является общее правовое наследие. Пункт 22 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 г. приравнивал селекционные достижения по охране к изобретениям, хотя на них выдавались авторские свидетельства Министерства сельского хозяйства СССР [Ветрова, 2012, с. 230].

Разработанный к 1989 г. проект закона СССР «Об охране прав селекционеров», ориентированный на вступление в УПОВ, не вступил в силу из-за распада Союза, но стал основой национальных законов региона, прежде всего Закона РФ от 6 августа 1993 г. № 5605-1 «О селекционных достижениях» [Синельникова, 2016, с. 7]. Национальные системы выросли из единого корня, восприняв общую терминологию (само понятие «селекционное достижение» не имеет прямого аналога в Конвенции УПОВ [Горелько, 2012, с. 17]), общую институциональную модель с экспертизой в ведении аграрных ведомств и общую двухреестровую конструкцию, различающую охраняемые и допущенные к использованию достижения [Гаврилов, Синельникова, 2015, с. 53]. Этой структурной общности были лишены государства Европы при создании собственной системы правовой охраны, что существенно снижает издержки евразийской гармонизации.

Вторая предпосылка – почти повсеместное участие в Конвенции УПОВ: Россия, как и Молдова, присоединилась к Конвенции в 1998 г., Кыргызстан – в 2000 г., Беларусь – в 2003 г., Узбекистан и Азербайджан – в 2004 г., Грузия – с 2008 г., Армения – в 2024 г. Казахстан и Таджикистан инициировали присоединение и получили положительные заключения Совета УПОВ о соответствии законодательства Акту УПОВ 1991 г.

Аргументом в пользу интеграции на постсоветском пространстве также можно назвать агроклиматическую сопряженность территорий постсоветских государств: так, например, в России выделяются 12 регионов допуска и 7 световых зон, что в свою очередь делает результаты испытаний репрезентативными для сопредельных территорий со сходными агроклиматическими условиями.

В то же время нельзя не упомянуть и о взаимозависимости семенных и племенных рынков в рамках ЕАЭС, что в условиях возрастающего экономического взаимодействия его государств-участников будет способствовать открытию новых возможностей для их развития. Данная

взаимозависимость получила и нормативное оформление в развитие раздела XXV Договора о ЕАЭС: заключены Соглашение об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках ЕАЭС от 7 ноября 2017 г. (далее – Соглашение 2017 г.) и Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках ЕАЭС, от 25 октября 2019 г. (далее – Соглашение 2019 г.), которые, как будет показано ниже, формируют общий рынок семян и племенной продукции, не затрагивая правовой охраны селекционных достижений.

Наконец, создание единой системы патентования селекционных достижений позволит применить уникальный опыт бывших стран СССР в сфере охраны результатов селекционной деятельности в области животноводства: поскольку международной системы охраны пород животных не существует, а Россия и Казахстан располагают национальным опытом такой охраны, евразийская система могла бы стать первой в мире, охватывающей и сорта, и породы, причем унификацию охраны пород целесообразно осуществлять именно в рамках региональных объединений, учитывая большую эффективность регионального механизма по сравнению с универсальным.

Сравнительный анализ позволяет установить и существенные расхождения. Первое касается круга объектов: глава 73 ГК РФ распространила охрану не только на сорта растений, но и на породы животных, воспользовавшись правом предоставлять селекционерам более широкий объем прав. Аналогичен подход Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 422-І «Об охране селекционных достижений», предусматривающего две государственные комиссии – по сортоиспытанию культур и по апробации пород. Напротив, Беларусь (Закон от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХІІ «О патентах на сорта растений») и Молдова охраняют лишь сорта растений, в связи с чем, например, в белорусской доктрине обосновывается необходимость акта о патентовании пород животных [Горелько, 2012, с. 18]. Асимметрия отражает мировую ситуацию: единого подхода к охране пород животных не существует, а статья 27 (3) (b) ТРИПС допускает исключение животных из патентования.

Второе расхождение институционально: в России регистрацию осуществляет Минсельхоз через ФГБУ «Госсорткомиссия», в Казахстане – аграрный уполномоченный орган, в Беларуси – патентный орган при участии государственной инспекции по испытанию сортов. Третье касается сроков: при конвенционном минимуме 20 лет (25 – для винограда и деревьев) в России патент действует 30 лет, а для винограда, древесных, плодовых и лесных культур – 35 лет, в Беларуси – 25 лет. Различается и объем изъятий, включая фермерскую льготу, после 1991 г. утратившую автоматический характер при распространении монополии селекционера на урожай и продукты его переработки.

Учета требуют и иные принципиально важные положения законодательств постсоветских государств. Говоря о российском опыте, важно отметить, что законодатель вслед за Конвенцией УПОВ признал автором селекционера, чьим трудом достижение не только создано или выведено, но и выявлено (ст. 1410 ГК РФ), хотя находка в природе близка к открытию, интеллектуальной собственностью не признаваемому. Подобное положение есть, например, и в Законе Кыргызской Республики от 13 июня 1998 года № 79 «О правовой охране селекционных достижений», и Законе Республики Узбекистан от 30.08.1996 г. № 270-І «О селекционных достижениях». В то же время значима и проблема отсутствия легального определения селекционного достижения в анализируемых правовых актах. При этом данный пробел восполняется лишь доктринально: например, дефиницией В.Н. Синельниковой, данной через признаки творческого создания, уникальности генетических признаков, охраноспособности и

регистрации [Синельникова, 2016, с. 11].

Отсюда следует, что первоочередной теоретической задачей региональной системы является выработка единого понятийного аппарата, возможная, в том числе, на базе постсоветской доктрины селекционного права – трудов В.Н. Синельниковой [Шугурова, 2014], А.П. Сергеева [Сергеев, 2004], О.А. Городова [Городов, 2011], Н.Г. Кузьминой [Кузьмина, 2004], Ю.Ю. Русинова [Русинов, 2003], О.Ф. Оноприенко [Оноприенко, 2018] и других ученых.

В то же время анализ нормативно-правовой документации позволяет говорить, что региональная инфраструктура интеграции существует лишь в зачаточном, фрагментарном виде. На уровне СНГ существуют Соглашение о многосторонней межгосударственной специализации производства и поставок сортовых и гибридных семян сельскохозяйственных культур от 9 октября 1992 г., соглашения по вопросам агропромышленного комплекса 1993 г., о генетических ресурсах культурных растений 1999 г. и о правовой охране сортов растений от 16 марта 2001 г.

Наиболее раннее из них – Соглашение 1992 г. – было направлено на сохранение межгосударственной специализации в производстве и поставках семян, а для координации его исполнения Решением Совета глав правительств СНГ от 18 октября 1996 г. создан Межправительственный координационный совет по вопросам семеноводства СНГ. Однако конкретных механизмов унифицированной международно-правовой охраны селекционных достижений с единым охранным документом и централизованными процедурами этими актами не предусматривается, а компетенция названного Совета ограничена координацией производства и поставок семян. Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС, которое признает селекционные достижения охраняемыми объектами, также не предусматривает для них никакого специального механизма унифицированной международно-правовой охраны.

Иначе построены отраслевые соглашения ЕАЭС. Соглашение 2017 г. допускает обращение семян в рамках Союза при наличии документов об их сортовых и посевных (посадочных) качествах, признаваемых другими государствами-членами по перечню, утверждаемому Евразийской экономической комиссией (ст. 3).

Комиссия формирует единый реестр сортов сельскохозяйственных растений на основании сведений национальных реестров (ст. 4), государства-члены применяют единые методы сортовой идентификации и определения качеств семян, определяемые Советом Комиссии (ст. 5), и унифицируют законодательство об испытании сортов и семеноводстве по перечню и в сроки, устанавливаемые Высшим Евразийским экономическим советом (ст. 6). Показательно, что дефиниция сорта в ст. 1 Соглашения текстуально близка к Конвенции УПОВ в редакции 1991 г. и п. 2 ст. 1412 ГК РФ, а «испытание сорта» включает установление признаков отличимости, однородности и стабильности – однако лишь «с целью включения его в национальный реестр», то есть в реестр сортов, допущенных к использованию. Иными словами, Соглашение унифицирует второй элемент упомянутой выше двухреестровой конструкции – допуск к использованию, оставляя первый – предоставление исключительного права – в национальной компетенции.

Соглашение 2019 г. воспроизводит ту же модель применительно к животноводству: оно вводит единые понятия племенного животного, племенной продукции и племенной ценности (ст. 2) и предусматривает унификацию апробации созданных новых типов, линий (пород) и кроссов сельскохозяйственных животных, молекулярной генетической экспертизы племенной продукции, определения породы животных, полученных при использовании родственных пород, и оценки племенной ценности по порядкам и методикам, утверждаемым Комиссией (ст.

3); координация и аналитическое обеспечение селекционно-племенной работы возлагаются на действующие учреждения государств-членов, определяемые Евразийским межправительственным советом (ст. 4); государства-члены обмениваются сведениями о племенных животных и селекционных достижениях (ст. 5). Соответствующие порядки, методики и правила ведения общей базы данных утверждены решениями Коллегии ЕЭК 2020-2022 гг.

Особенно значимо, что право ЕАЭС здесь прямо оперирует понятием «селекционное достижение» применительно к породам, типам, линиям и кроссам: тем самым терминология, восходящая к советскому законодательству и не имеющая аналога в Конвенции УПОВ, впервые закреплена в наднациональном акте, а апробация новых пород унифицирована в масштабе интеграционного объединения.

Таким образом, оба соглашения унифицируют материально-техническую основу селекционного дела – методики испытаний и апробации, реестры допуска, информационный обмен, – но не рассматривают селекционное достижение как объект интеллектуальных прав: ни единого охранного документа, ни взаимного признания результатов экспертизы охраноспособности они не создают. Вместе с тем именно эти акты создают инфраструктуру, без которой невозможна региональная система любого типа: взаимное признание документов о качествах семян (п. 2 ст. 3 Соглашения 2017 г.) и опора на действующие национальные учреждения (ст. 4 Соглашения 2019 г.) воспроизводят, пусть и за пределами права интеллектуальной собственности, модель децентрализации испытаний при централизации правового регулирования, лежащую, как будет показано ниже, в основе европейского опыта.

Важно отметить, что успешный опыт совместной работы государств на постсоветском пространстве в области совместной охраны объектов интеллектуальных прав уже существует: Евразийская патентная конвенция 1994 г. (ЕАПК) создала рабочую модель получения регионального патента на изобретение (единая заявка, экспертиза, патент), эффективность и способность к предметному расширению которой впоследствии были доказаны принятием в 2019 г. Протокола об охране промышленных образцов.

В рамках самого ЕАЭС сходная конструкция реализована Договором о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 г., заключенным в развитие Приложения № 26: заявка подается в национальное патентное ведомство одного из государств-членов (ст. 4), сведения о регистрации вносятся в единые реестры Союза, состоящие из национальных разделов (ст. 2), а регистрация имеет в каждом государстве-члене силу национальной (п. 3 ст. 1). Тем самым модель, подразумевающая наличие децентрализованной подачи, единого реестра и охраны на территориях всех государств-членов, уже разработана Союзом применительно к средствам индивидуализации, а Приложение № 26, не содержащее специального механизма для селекционных достижений, послужило основой для создания такого механизма в отношении иного объекта.

Теоретическое моделирование международной системы патентования селекционных достижений предполагает выбор между тремя типами интеграции: гармонизационным (модельные законы, единые методики, присоединение к Акту 1991 г. при сохранении национальных документов), процедурно-централизованным (единая региональная заявка и экспертиза по образцу ЕАПК или Договора о товарных знаках ЕАЭС 2020 г.) и унитарным (единое наднациональное право по модели Регламента ЕС № 2100/94). Европейский опыт при этом обладает рядом преимуществ: единое право ЕС сосуществует с национальными системами, испытания сортов растений поручаются уполномоченным национальным

учреждениям с признанием их результатов всеми государствами, а ведомство финансируется пошлинами. Именно децентрализация испытаний при централизации правового регулирования позволяет преодолеть одно из ключевых препятствий на пути установления региональной системы – отсутствие у наднационального органа собственной испытательной сети.

Сопоставление перечисленных особенностей существующего правового регулирования предоставления охраны достижениям во области селекции среди постсоветских государств позволяет говорить об оптимальности создания международной системы патентования селекционных достижений путем последовательных этапов интеграции.

Первым этапом должна стать постепенная гармонизация: прежде всего, целесообразно завершение присоединения государств региона к Акту УПОВ 1991 г., а также принятие отдельного модельного соглашения, которое бы закрепило единое определение селекционного достижения, пределы и критерии охраны новых пород животных, а также различные административные аспекты деятельности государств (например, создание единых реестров и административных процедур).

Опыт модельного законотворчества в смежной сфере в регионе имеется: Модельный закон «О семенах», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 4 декабря 2004 г. № 24-10, содержит нормы о государственном сортоиспытании и оперирует понятиями оригинатора сорта и государственного реестра селекционных достижений, допущенных к использованию, но предоставление правовой охраны не регулирует, что лишь подтверждает необходимость специального модельного акта. Нормативной опорой для него в рамках ЕАЭС может служить ст. 6 Соглашения 2017 г.: перечень мер по унификации законодательства об испытании сортов, определяемый Высшим Евразийским экономическим советом, целесообразно дополнить сближением норм о правовой охране селекционных достижений, включая критерии охраны пород.

Заключение

На процедурном этапе ключевым шагом станет достижение государствами соглашения о взаимном признании результатов испытаний селекционных достижений в уполномоченных учреждениях государств-участников, а также введение централизованной подачи заявок через единое окно. Такой механизм не придется создавать с нуля: взаимное признание документов о качествах семян (п. 2 ст. 3 Соглашения 2017 г.) и единые порядки апробации пород (ст. 3 Соглашения 2019 г.) могут быть распространены на результаты испытаний на отличимость, однородность и стабильность, а единый реестр сортов (ст. 4 Соглашения 2017 г.) и база данных о племенных животных и селекционных достижениях – дополнены сведениями об охраняемых селекционных достижениях, объединив тем самым оба реестра в едином ресурсе Союза.

И, наконец, на третьем этапе можно говорить о создании полноценных международного соглашения, заключение которого осуществимо как на уровне всех стран СНГ, так и на уровне стран-участниц ЕАПК, либо по образцу Договора о товарных знаках 2020 г. в рамках ЕАЭС, и соответственно приведет к учреждению международной евразийской организации по патентованию селекционных достижений. В данной связи учет опыта деятельности государств в рамках ЕАПК и региональной системы товарных знаков ЕАЭС представляется наиболее ценным и соответствующим экономическим и политическим реалиям, существующим на евразийском пространстве сегодня.

Библиография

1. Ветрова И.Ф. Правовое регулирование селекции в российской и зарубежной практике // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 227–231.
2. Гаврилов Э.П. О правовой охране селекционных достижений // Хозяйство и право. 2011. № 1. С. 3–11.
3. Гаврилов Э.П., Синельникова В.Н. Право на селекционное достижение в общем контексте права интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2015. № 2. С. 50–81.
4. Городов О.А. Право промышленной собственности: учебник. Москва: Статут, 2011. 942 с.
5. Горелько А.В. Некоторые аспекты международно-правовой охраны селекционных достижений // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 17–22.
6. Еременко В.И. Единая система правовой охраны сортов растений Европейского союза // Биржа интеллектуальной собственности. 2014. № 2. С. 1–7.
7. Кузьмина Н.Г. Правовое регулирование селекционной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 223 с.
8. Можаяев М.С. Принципы предоставления охраны селекционному достижению: опыт сравнительного правоведения // Власть закона. 2013. № 3 (15). С. 169–172.
9. Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционное достижение в растениеводстве в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. 24 с.
10. Русинов Ю.Ю. Селекционные достижения как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 172 с.
11. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби; Проспект, 2004. 720 с.
12. Синельникова В.Н. Правовой режим элементов (частей) живой природы как объектов гражданского оборота // Хозяйство и право. 2016. Приложение к № 12. 48 с.
13. Шугурова И.В. Направления гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в государствах-участниках СНГ // Современное право. 2014. № 10. С. 131–139.

Comparative Analysis of Patenting Breeding Achievements in Post-Soviet States: Approaches to Harmonization

Egor A. Vorontsov

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gladius.ej@yandex.ru

Abstract

The article examines the theoretical foundations of the formation of an international (regional) system for patenting breeding achievements in the post-Soviet space. Based on a comparative-legal analysis of the legislation of post-Soviet states, the commonality of the normative heritage is identified, as well as significant divergences in the object composition of protection, the institutional organization of examination, and the terms of legal protection. It is shown that the existing regional mechanisms are predominantly declarative in nature and do not create a unified protection document. The EAEU agreements of 2017 on the circulation of seeds and of 2019 on the unification of breeding and pedigree work, which unify testing and admission registers but not the legal protection of breeding achievements, are analyzed separately. Taking into account the experience of the European Union and the Eurasian Patent Organization and the EAEU regional trademark system,

a special model of integration is substantiated, aimed at creating a unified Eurasian patent covering both plant varieties and animal breeds.

For citation

Vorontsov E.A. (2026) Sravnitel'nyy analiz patentovaniya selektsionnykh dostizheniy v postsovetskikh gosudarstvakh: podkhody k garmonizatsii [Comparative Analysis of Patenting Breeding Achievements in Post-Soviet States: Approaches to Harmonization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 456-464. DOI: 10.34670/AR.2026.39.84.048

Keywords

Breeding achievements, legal protection of plant varieties, UPOV Convention, Eurasian integration, harmonization of legislation, sui generis.

References

1. Eremenko, V.I. (2014). Edinaya sistema pravovoy okhrany sortov rasteniy Evropeyskogo soyuza [The unified system of legal protection of plant varieties in the European Union]. *Birzha intellektual'noy sobstvennosti*, (2), 1–7.
2. Gavrilov, E.P. (2011). O pravovoy okhrane selektsionnykh dostizheniy [On the legal protection of breeding achievements]. *Khozyaystvo i pravo*, (1), 3–11.
3. Gavrilov, E.P., & Sinel'nikova, V.N. (2015). Pravo na selektsionnoe dostizhenie v obshchem kontekste prava intellektual'noy sobstvennosti [The right to a breeding achievement in the general context of intellectual property law]. *Khozyaystvo i pravo*, (2), 50–81.
4. Gorel'ko, A.V. (2012). Nekotorye aspekty mezhdunarodno-pravovoy okhrany selektsionnykh dostizheniy [Some aspects of the international legal protection of breeding achievements]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, (1), 17–22.
5. Gorodov, O.A. (2011). *Pravo promyshlennoy sobstvennosti* [Industrial property law]. Moscow: Statut.
6. Kuz'mina, N.G. (2004). *Pravovoe regulirovanie selektsionnoy deyatel'nosti* [Legal regulation of breeding activity] (Candidate of Law dissertation). Moscow.
7. Mozhaev, M.S. (2013). Printsipy predostavleniya okhrany selektsionnomu dostizheniyu: opyt sravnitel'nogo pravovedeniya [Principles of granting protection to a breeding achievement: the experience of comparative law]. *Vlast' zakona*, (3(15)), 169–172.
8. Onoprienko, O.F. (2018). Intellektual'nye prava na selektsionnoe dostizhenie v rastenievodstve v Rossiyskoy Federatsii [Intellectual rights to breeding achievements in crop production in the Russian Federation] (Author's abstract of Candidate of Law dissertation, specialty 12.00.03). Moscow.
9. Rusinov, Yu.Yu. (2003). *Selektsionnye dostizheniya kak ob"ekty grazhdanskikh prav* [Breeding achievements as objects of civil rights] (Candidate of Law dissertation). Volgograd.
10. Sergeev, A.P. (2004). *Pravo intellektual'noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii* [Intellectual property law in the Russian Federation] (2nd ed.). Moscow: TK Velbi; Prospekt.
11. Shugurova, I.V. (2014). Napravleniya garmonizatsii zakonodatel'stva v oblasti intellektual'noy sobstvennosti v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG [Directions for the harmonisation of intellectual property legislation in the CIS member states]. *Sovremennoe pravo*, (10), 131–139.
12. Sinel'nikova, V.N. (2016). Pravovoy rezhim elementov (chastey) zhivoy prirody kak ob"ektov grazhdanskogo oborota [The legal regime of elements (parts) of living nature as objects of civil circulation]. *Khozyaystvo i pravo*, Supplement to (12).
13. Vetrova, I.F. (2012). *Pravovoe regulirovanie selektsii v rossiyskoy i zarubezhnoy praktike* [Legal regulation of breeding in Russian and foreign practice]. *Biznes v zakone*, (3), 227–231.